

Глава XXVII. 16 февраля 1936 года

14 ноября 1935 года Мануэль Асанья приступает к операциям в среде соцпартии с целью создания единого предвыборного фронта. В ответ на такую необходимость руководство СП разработало программу, которая могла бы послужить основой для коалиции левых сил. Имеет смысл остановиться на этом предварительном предложении, поскольку в момент определения окончательного, останется нетронутым только пункт об амнистии; в конечном варианте, в качестве общей программы останется очень скромная республиканская платформа в её общих чертах.

Итак,

а) Амнистия для правонарушений политического и социального характера, совершённых после ноября 1933 года. Это означало, что все правонарушения социального характера в период 1931–1933 годов не входили в рамки амнистии, что означало оставить в застенках значительное число анархистских активистов.

б) Восстановление на рабочих местах лиц, уволенных за политические воззрения. Это касалось государственных служащих, потерявших места в процессе «чистки», проведённой правыми.

в) Восстановление конституции.

г) Решение сельского вопроса и проведение административных реформ, таких как уменьшение налогов и др. Последующие пункты гласили об увеличении заработка, реформе образования, восстановлении автономии и т.д. И полное молчание о всё более неотложной марокканской проблеме.

Эта программа была одобрена и подписана следующими политическими организациями и партиями: за партию «Республиканские левые» — Амос Сальвадор; за «Республиканский союз» — Бернардо де лос Риос; за партию социалистов — Хуан Симеон Видарте и Мануэль Кордеро; за «Всеобщий союз трудящихся» — Франсиско Ларго Кабальеро; за «Социалистическую молодёжь» — Хосе Касорла; за Компартию — Висенте Урибе; за партию синдикалистов — Анхель Пестанья и за Рабочую партию марксистского единства — Хуан Андраде.

Пока левые объединялись вокруг вышеизложенного пакта, в правительстве Хоакина Чапаприеты разразился новый кризис по причине ещё одного финансового скандала. Алькала Самора провёл консультации с правыми лидерами, и ему не удалось найти главу

правительства, способного гарантировать минимальную политическую стабильность. Тем не менее, чтобы найти выход из создавшегося положения, Портела Вальядарес пообещал 13 декабря сформировать кабинет без членов ИНКП и радикалов, что, другими словами, означало роспуск Кортесов и подготовку к новым выборам. Лидер ИНКП Хиль-Роблес поспешил официально распустить Кортесы, объявляя начало избирательной кампании и призывая правых, входящих в состав правительства, подать в отставку. Так поступили Мелькиадес Альварес и Мартинес де Веласко. Этот был последний кризис для правых правительств — Алькалá Самора покончил с ним, формируя кабинет из общественных деятелей, которым было поручено распустить Кортесы и назначить выборы на 16 февраля 1936 года.

НКТ, которая не вошла в политическую комбинацию смутного и беспорядочного пакта левых сил, вставала перед серьёзной проблемой: нужно ли рекомендовать неучастие в выборах или, напротив, голосование за список левых, с тем чтобы освободить узников, большинство которых являлись членами НКТ?

9 января Региональный комитет НКТ Каталонии опубликовал циркулярное письмо в адрес профсоюзов, в котором на 25-е число этого месяца созывал Региональную конференцию в Барселоне, в кинотеатре «Меридиана». Темы для обсуждения указанной конференции: «1. Какой должна быть позиция НКТ в отношении альянса с организациями, которые, не будучи близкими по духу, имеют симпатии к рабочему движению? 2. Какую конкретную и определённую позицию должна занять НКТ перед лицом предстоящих выборов?»⁴⁶⁴.

Эти два пункта отражали состояние неопределённости среди входивших в состав Комитетов активистов, с которыми Дуррути полемизировал и которых назвал «подозрительными», имея в виду неясность в отношении их целей как руководителей НКТ. В представлении повестки дня ясно видна нерешительность, если не сказать давление. Она устанавливает жёсткие рамки для дискуссии или сводит её на нет. На ряд членов НКТ повлияла перемена, произошедшая в личности Ларго Кабальеро, который на своих митингах уже обращался с призывами к НКТ для образования «братства пролетарской революции» совместно с ВСТ. Всё возможно... Наверное, им представлялся случай не участвовать в кампании бойкота выборов — и, таким образом, чаша весов наклонилась бы в сторону республиканской коалиции, от которой по крайней мере ожидали выполнения пункта относительно амнистии. Через день после указанного циркулярного письма Дуррути вышел на свободу. За несколько дней его короткого заключения атмосфера на улицах города изменилась. Каким-то чудодейственным образом прекратились взрывы динамитных петард и бомб, также не происходили покушения и столкновения с силами правопорядка. Всё это заставляло думать, что большинство таких провокаций было делом рук активистов Фаланги. Казалось, в атмосфере витало предчувствие трагедии, которое выражалось во взглядах людей. Разговоры в кафе носили отпечаток явной нерешительности — иными словами, в суждениях о политических событиях и развязке чувствовалась неуверенность. Ту же самую неопределённость почувствовал и Дуррути, беседуя с товарищами, которые действительно сомневались в целесообразности бойкота выборов, как это было в ноябре 1933 года. На одном из таких собраний Дуррути произнёс суровые слова:

«Нас, анархистов, на самом деле в Испании очень мало. Наши идеи и пропаганда сильно влияют на рабочих, но это происходит при наличии соответствующих ситуаций. Что касается ноябрьских выборов 1933 года — провели бы мы или нет кампанию бойкота выборов, — результат был бы тем же, по той простой причине, что республиканские политики и социалисты полностью потеряли доверие. И поскольку левые не выдвинули новых кандидатов, рабочие не проголосовали бы за правых, но также они не проголосовали бы за левых. В тех условиях для нас было важно, чтобы бойкот стал сознательным и активным, — другими словами, принял форму пролетарского осознания. И нам удалось достичь цели. Мы смогли достичь её, потому что нам помогла сама политика республиканцев-социалистов. На сегодняшний день обстановка изменилась. Мы пережили два года жесточайшей репрессии. Подавляющее большинство рабочего класса по горло сыто репрессиями. Кроме того, 30 000 узников всё ещё в тюрьмах. Это хороший предлог, чтобы дать им свободу через наше голосование. И именно это даст поддержку на митингах, которые организуют по всей Испании левые политики. К несчастью, рабочий класс крайне великодушен. Вы помните, как рабочий класс Барселоны проголосовал за депутатское место для Франсиско Ларго Кабальеро, чтобы высвободить его из тюрьмы после печальной забастовки августа 1917-го? Тогда рабочие забыли, как вели себя социалисты во время той забастовки, и только думали о том, каким образом освободить его из тюрьмы. На сегодняшний день подавляющее большинство рабочих забыли репрессии периода 1931–1933 годов, а только помнят о варварствах, учинённых правыми в Астурии. С нашей пропагандой бойкота или без неё сегодня рабочие проголосуют за левых, но наше поведение должно быть таким же, как и в октябре 1933 года. Иными словами, мы не можем обманывать рабочий класс. Наша задача — заставить рабочих осознать действительность, которая у нас перед носом: если победу одержат правые, то они установят диктатуру с позиций власти, а если потерпят поражение — выйдут на улицы. Как бы то ни было, столкновение между рабочим классом и буржуазией неизбежно. И именно это прямо и сурово надо сказать рабочему классу, чтобы предупредить его. Он должен вооружиться, подготовиться и защитить себя, когда придёт время. Нашим лозунгом должно быть “фашизм или социальная революция, буржуазная диктатура или либертарный коммунизм”. Буржуазная демократия в Испании умерла, и её погубили республиканцы»⁴⁶⁵.

Все то время, те несколько месяцев, которые ему осталось жить, Дуррути до конца будет верен этой позиции, высказанной на собрании профсоюзных активистов...

25 января 1936 года состоялась Конференция профсоюзов. Большинство делегаций (142 делегата представляли 92 профсоюзные делегации, 8 местных федераций, 7 региональных, Национальный комитет и Региональный комитет защиты заключённых) не располагают мандатом своих организаций, их подавляющее большинство всё ещё под запретом. Поспешность созыва конференции, с другой стороны, ограничивает нормативное время для принятия решений. Большинство соглашений принимается на собраниях активистов. Такая ситуация так или иначе должна была вызвать суровую критику в адрес организаторов Конференции. Также были и такие делегации, которые приписывали Региональному комитету особый интерес в оказании давления на делегации с целью принятия компромиссных соглашений, учитывая предвыборную обстановку. Из всех выступлений особенно выделилось предложение делегации Оспиталет-дель-Любрегат, которая предложила вотум недоверия относительно предположительных намерений оказания

давления со стороны Регионального комитета. В качестве решения поставленного вопроса была предложена одна из резолюций Национального пленума региональных организаций (26 мая 1935 года). Она заключалась в следующем:

«Любой вид пропагандистской деятельности, как в предвыборный, так и в обычные периоды, будет совершаться в форме теоретического изложения наших принципов и органических целей, избегая наносящей вред демагогии и в равной мере атакуя политику и партии. Когда представится возможность, будет проведена пропаганда неучастия в выборах, в соответствии с договорами Организации и без подчинения нашей позиции результатам выборов. Действия будут контролироваться соответствующими Комитетами».

Тем не менее большинство делегаций, среди которых преобладало мнение, что политика НКТ бойкота выборов являлась тактическим приёмом, а не вопросом принципа, добились общего обсуждения проблемы. В дискуссиях обнаружилось идеологические сомнения, причём многие ораторы посвятили время рассуждениям на тему имманентного значения концепций «аполитический» и «антиполитический». Наконец назначили презентацию для зачитания резолюции. Она являлась ратификацией принципов и целей НКТ и гласила следующее: «Доказать трудящимся неэффективность голосования, прибегая к примеру исторических фактов, таких как события в Германии и Австрии».

В пункте о рабочем союзе пришли к согласию, что необходимым условием является: «ВСТ должен признать, что только путём революционного действия возможно освобождение трудящихся. При этом подразумевается, что, принимая этот пункт, ВСТ должен прекратить любое политическое и парламентское сотрудничество с буржуазным режимом (...). Для успеха социальной революции необходимо полностью разрушить общественный строй данного момента, который управляет экономической и политической жизнью Испании. Новый строй общества, установленный в результате победы революции, будет управляться волеизъявлением трудящихся на общем собрании, при полной и абсолютной свободе выражения своих идей (...). Для защиты нового общественного порядка необходимо объединить все усилия, не принимая в расчёт частные интересы отдельно взятой тенденции». К этим четырём пунктам прибавлялась заметка НКТ в адрес Национального комитета с просьбой созвать в апреле Национальную конференцию профсоюзов, которая должна будет проанализировать практическую возможность и форму альянса с ВСТ. В заключение обращались к автономным организациям, для того чтобы, согласно своим интересам, они вошли в состав НКТ или ВСТ»⁴⁶⁶.

Текст договора об альянсе, за исключением мелочей, в сущности представлял собой позицию НКТ. К несчастью, позиция социалистов осталась прежней. Призывы Ларго Кабальеро во время этой избирательной кампании преследовали цель привлечь голоса членов НКТ. Однако его идеи не только не изменились, но и, в силу его большевистской «кори», стали более чем опасными. На всеобщем собрании мадридской группировки, проведённом в первых числах июня того года, речь Ларго Кабальеро была опубликована в газете Claridad: «Факт непризнания роли Социалистической партии как единственного руководителя явился бы предательством самой сущности партии (...). Когда мы установим диктатуру пролетариата, нужно будет бороться против всех несогласных с ней, так же, как и в России партия большевиков не позволила никакой к себе оппозиции и устранила всё, что

сопротивлялось её диктатуре»⁴⁶⁷.

16 февраля прошли выборы в обстановке никогда не виданного спокойствия, признанной даже консервативной газетой *La Vanguardia*: «Выборы прошли в климате превосходной дисциплины». Коалиция левых победила, но с небольшим отрывом.

Левые 4 838 449
263 депутата

Правые 3 996 931
129 депутатов

Центр 449 320
52 депутата

Общее число депутатов-социалистов равнялось 90, что по отношению к выборам 1931 года означало потерю 26 мест, которые, наверное, представляли из себя уступку партии коммунистов, которой назначили 13 депутатов. Республиканские левые (Асанья) и Республиканский союз (Мартинес Баррио) восстановили голоса либеральной буржуазии — в итоге обе партии располагали 117 депутатами. В Каталонии левые республиканцы набрали 38 депутатских мест.

В лагере правых ИНКП всё ещё оставалась самым важным сегментом, имея на своём счету 94 депутата. Испанская фаланга, представившая независимую кандидатуру своего основателя — Хосе Антонио Примо де Риверы, — не набрала ни одного депутатского места.

Что касается Центра, то там наибольший разгром потерпела партия радикалов (Леррус): из 80 депутатов на выборах 1933 года 16 февраля осталось лишь 8.

Согласно Конституции, перед тем, как передать власть победителям 16 февраля, Портела Вальядарес и его правительство должны были оставаться у власти ещё в течение месяца. Однако ситуация сложилась таким образом, что Мануэль Асанья вместе с командой министров был вынужден занять пост правления 19 февраля. Такое нарушение Конституции произошло во избежание государственного переворота по требованию президента Республики.

На рассвете 17 февраля Кальво Сотело и Хиль-Роблес нанесли визит Портеле Вальядаресу, чтобы вынудить его объявить военное положение. Тем временем генерал Франко, продолжавший оставаться начальником Генерального штаба армии, с таким же требованием обратился к генералу Молеро, военному министру, и также попытался убедить генерала Посаса, инспектора Гражданской гвардии, чтобы тот, при содействии его подчинённых, поддержал вмешательство армии. Молеро и Посас не подчинились, и, по словам Хоакина Аррараса, генерал Франко, взяв на себя все задачи, принялся за организацию восстания:

«Генерал Франко уже отредактировал соответствующие инструкции и приказы, которые он направил по назначению. Одновременно начал переговоры с генеральными

военачальниками, которые он затем был вынужден прекратить, после того как один из ассистентов передал ему, что господин Портела срочно вызывал его к себе. Цель встречи — сообщить генералу крайнее недовольство президента Республики...»⁴⁶⁸.

Если государственный переворот в ночь с 18 на 19 февраля и потерпел поражение, то это случилось не в силу вмешательства Портелы Вальядареса и Алькалá Саморы, а из-за нерешительности военачальников, к которым обратился генерал Франко. Ввиду такого положения Алькалá Самора счёл своевременным не соблюдать необходимый для передачи власти срок и поручил Мануэлю Асанье сформировать правительственный кабинет 19 февраля.

Мануэль Асанья организовал правительственный кабинет из левых. Рабочий класс, в своих действиях ограничившийся публичными манифестациями и самостоятельным освобождением заключённых из тюрем, таким образом ещё раз доказал своё доверие республиканским правителям левой тенденции, ожидая, что они осознали глубокую необходимость направить страну по другим стезям развития, не повторяя реакционного прошлого. Надежда народа исходила из предвыборной кампании левого стиля, где коалиция представлялась истинным заслоном на пути фашизма. Однако последовало первое разочарование: несмотря на раскрытый заговор Хиль-Роблеса, Кальво Сотело и генерала Франко, новое правительство никак не отреагировало на этот факт и не приняло никаких мер в отношении конспираторов.

19 февраля все политические круги страны ожидали ареста генерала Франко, а сам генерал, быть может, чтобы смягчить свой приговор, поторопился предстать перед лицом министра внутренних дел. Там, к его удивлению, его не только не арестовали, а напротив, даже отметили его верность Республике. Мануэль Асанья с целью отдалить Франко от полуостровной Испании доверил тому военное правление на Канарских островах, а генерала Годеда, также заговорщика, послал военным начальником Балеарских островов, где Муссолини на Мальорке уже организовал свою ставку для проведения операций на территории Испании.

Такие первые меры Мануэля Асаньи и его правительства являлись продолжением политики Хиль-Роблеса или Лерруса, и первое разочарование для народа явилось своего рода пощёчиной, которая не сгладилась амнистией, вошедшей в силу 21 февраля; во-первых, амнистия отчасти уже и была претворена в жизнь самим народом, своими руками приступившим к освобождению узников из тюрем провинций, а во-вторых, она уже принимала ограничительные рамки: в тюремных застенках оставалось огромное количество политических заключённых НКТ и многих других, которых обвиняли в уголовных правонарушениях, но на деле совершившихся в социальной сфере, так как речь шла о кражах в сельской местности, совершённых голодающими крестьянами.

Дуррути разоблачил все эти грубые нарушения на митинге 6 марта в театре Прайс, Барселона. Он сказал: «Мы напоминаем политическим деятелям, которые стоят сейчас у власти, что если они и заняли эти посты, то благодаря голосам рабочего класса; но если рабочие и поставили их туда, то они, когда народному терпению придёт конец, тоже могут сбросить их. Уже есть причины, видя практические результаты проводимой политики, что

рабочий класс находится на пределе своего терпения»⁴⁶⁹.

В сельской местности нарастало напряжение. Многие землевладельцы, то ли спасаясь бегством от революции, то ли оказывая бойкот новому правительству, покинули страну; такая мера означала запущенные годные для земледелия участки. Хозяева этих земель под различными предложениями не засеивали свои владения, однако наёмные рабочие оставались без работы.

27 февраля правительство публикует нормативы для возврата на свои рабочие места уволенных за политические убеждения или участие в революционной октябрьской забастовке. Промышленная или сельская буржуазия не исполнила эти указания и не изменила свою позицию в отношении уволенных рабочих. В промышленных районах уже приступившие к работе профсоюзы требовали выполнения официальных распоряжений, но на селе не оставалось ничего иного, кроме как приступить к оккупации земель, оставленных в запустении по той или иной причине. Так, экспроприация в сельской местности, следуя примеру крестьян из Сенисьентос, подобно масляному пятну, распространялась на другие районы:

«Сельскохозяйственные рабочие из посёлка вблизи Мадрида указали всем путь, перейдя к захвату (...) пастбища Энсинар-де-лаПарра площадью в 1,317 гектара и приступая к работе на нём. После занятия земли они направили послание в Министерство сельского хозяйства, в котором вкратце говорилось следующее:

“В нашем посёлке есть пастбищные земли, годные для земледелия, на них ранее проводились посевы и собирали урожай; теперь они служат для охоты и выпаса скота. Много раз мы обращались к хозяину с просьбами предоставить нам эти земли в аренду, но всё бесполезно — тот вместе с двумя или тремя другими землевладельцами распоряжается в нашем округе всеми этими площадями, которые ранее принадлежали всей соседской общине. Мы вынуждены сидеть сложа руки, тем временем как наши дети голодают; нам не оставалось ничего другого, кроме как вторгнуться на эти земли. И мы сделали это.

Наш труд произведёт то, что раньше не производилось; мы покончим с нищетой наших семей и увеличим национальное богатство. Мы считаем, что никому не наносим вреда, а только просим узаконить наше положение и предоставить нам кредиты для работы на земле”. Спустя две недели после вторжения в хозяйство Сенисьентос крестьяне из восьмидесяти посёлков Саламанки поступили таким же образом. Через четыре дня жители ряда посёлков провинции Толедо последовали их примеру, и на рассвете 25 марта 80 тыс. крестьян из провинций Касерес и Бадахос захватили земли и принялись за их обработку»⁴⁷⁰.

Газеты сообщали об этих событиях довольно объективно, придавая верную оценку характеру борьбы: «Две тысячи голодающих этой местности (Мансальбас-Толедо) только что захватили усадьбу «Эль Робледо», которой завладел граф де Романонес двадцать лет назад, при этом не оставив ничего людям»⁴⁷¹.

Деятельность крестьян испугала руководителей Народного фронта: они считали, что кроткое поведение рабочих перед избирательными урнами давало им право раздумывать на тему «проведём или не проведём аграрную реформу». Когда через несколько дней после прихода к власти в Мурсии начались первые захваты земли, правители прибегнули к уже известным мерам изгнания крестьянокупантов силами Гражданской гвардии, что привело к 27 жертвам. В ответ на действия правительства разразилось мощное крестьянское движение, о чём мы ранее упомянули, и на этот раз Мануэль Асанья понял, что в деле убеждения больше подходили не маузеры, а инженеры-агрономы и легализация оккупированных земель.

Таким образом, становилось очевидным, что единственными эффективными и радикальными реформами являются те, которые проводятся силой и по инициативе снизу: прямое действие оказывалось намного эффективнее, чем парламентская болтовня, которая с 1931 по 1933 год вращалась вокруг да около претворения в жизнь закона аграрной реформы.

После захвата земель произошли и другие события, такие как нападения на церкви, с папертей которых нахально проводилась конспиративная работа, а ризницы отводились под оружейные склады. Революция стартовала с низов, и создавшееся положение слабо походило на ту защиту буржуазной демократии, под чьим прикрытием намеревались представить деятельность Народного фронта.

Быстрый статистический обзор событий, произошедших с 16 февраля по 15 июня 1936 года, чётко показывает характер превентивной войны между рабочим классом и буржуазией:

“ «Поджоги ста шестидесяти церквей; 269 убитых; 1 287 раненых; 215 покушений, 113 общих забастовок; 228 частичных забастовок и 145 взрывов бомб». Политическое лицо страны: «ВСТ — 1 447 000 членов; НКТ — 1 577 000 членов». Сумма обеих цифр равнялась более чем 3 млн, что означало: из 8 млн рабочих более третьей части состояло в профсоюзах.

Правые «имели в рядах своих различных организаций — 549 тыс. человек; от 20 тыс. до 30 тыс. военных в отставке; 50 тыс. фалангистов; 50 тыс. священников и много миллионов песет»⁴⁷².

Таково было распределение политических сил в атмосфере превентивной войны, когда 1 мая 1936 года НКТ созвала свой Национальный съезд в зале театра «Ирис Парк».

Версия #2

Зверобой создал 16 июля 2025 23:08:06

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:25:57